

18+

Анна Тотти

**Пятнадцать стариков
и двое влюбленных**

Анна Тотти

**Пятнадцать стариков
и двое влюбленных**

«Издательские решения»

Тотти А.

Пятнадцать стариков и двое влюбленных / А. Тотти —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854312-8

Любовь, как воздух, разлита повсюду. Она наполняет сиянием этот мир. Ее даже не нужно искать, только не отворачивайся от нее, только откройся навстречу ей. Она всегда рядом, где бы ты ни находился, и как долго бы ты ни шел по жизни. Ее метаморфозы порой пугают, но не бойся ничего. Это она. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-854312-8

© Тотти А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	11
4	13
5	14
6	16
7	19
8	20
9	22
10	23
11	24
12	25
13	31
14	34
15	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Пятнадцать стариков и двое влюбленных

Анна Тотти

© Анна Тотти, 2017

ISBN 978-5-4485-4312-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Мне понадобилось много времени, чтобы написать тебе ответ. Вдруг навалилась куча работы (как я сейчас понимаю – к счастью), потому что без нее я бы, наверное, просто не выжил.

Это было жесткое время для меня. Я надеялся, что в тишине, без переписки с тобой, мне удастся совладать со своими чувствами. Но ничего не вышло, лучше не стало. Тоска... Может быть, ты что-то посоветуешь?» – написал Дэвид Барт 4 апреля.

Это был вольный перевод с английского его письма.

Мне хотелось плакать. После разлуки с ним я чувствовала то же самое.

1

Весна. Апрель. В Питере после зимнего мрака стало появляться солнце. Но радость, связанная с приближением весны, не смогла пересилить странное ощущение от другого события, столь же естественного, но не столь радужного. Вчера мне исполнилось двадцать шесть лет. Ухнуло двадцать шесть, упало, как снег на голову. Знаешь, что это нормальное положение вещей и в обратную сторону хода нет, и все же прибавление к твоему возрасту еще одного года обескураживает и напрягает. У моей подруги приближение дня рождения – в конце августа – вызывает почти истерику:

«Я не готова стареть! Я не хочу со счастливым лицом делать еще один шаг к смерти!»

Наверное, с ее точки зрения – двадцатипятилетней девушки – я в свои двадцать шесть почти старуха.

Что остается делать в таком возрасте? Читать письма и вспоминать прошлое)

«Перечитывая сообщения, которые мы писали друг другу после твоего отъезда, я особенно остро ощущаю наш разрыв. Скусаю по нашим разговорам, по тебе. Но, знаешь, я до сих пор злюсь из-за того, что ты не захотела принять мою помощь. Тогда, возможно, все было бы по-другому... Эти злые мысли не направлены против тебя, но они занозой сидят в голове, и я никак не могу избавиться от них».

В день рождения Дэвид не поздравил меня. Я весь день ждала его звонка или сообщения. Потом он сказал, что упустил из вида, забыл. Это ложь. Он просто злился и хотел причинить боль. Мне было горько. Почему мы так безжалостно мучаем друг друга?

«Всю прошлую неделю я хотел написать тебе, но был занят, да и, если честно, не знал, что писать. Думаю, я хотел извиниться за те письма, в которых обвинял тебя. Наверное, моя злость поутихнет, когда я снова в кого-то влюблюсь. Пока же я не могу с ней совладать, как ни стараюсь»

Еще совсем недавно давление возраста было не так ощутимо, потому что до двадцати пяти ты... нет, уже не ребенок, конечно, но ты еще находишься в поре юности, что ли. Двадцать пять воспринимаются как первый перевал. Ты все еще молода, но уже не юна. Ты что-то уже должна дать на-гора: школа, институт, семья, дети. На тебя поглядывают выжидающе – чем из выше перечисленного ты уже обзавелась и что сделала. Исчезает легкость, полет. Как будто все вокруг – родные, друзья, знакомые – норовят схватить тебя и придавить к земле – хватить порхать, ползай.

Как было бы чудесно остановить время незадолго до двадцати пяти и задержаться в этом прекрасном возрасте лет до восьмидесяти. В двадцать пять ты уже не так наивна и неуверенна в себе, как в шестнадцать, но все еще легка. Легка-а-а! И мудра. И уже неплохо ориентируешься в жизни! И красива! И так – год за годом, год за годом. Прекрасные почти двадцать пять!

Хотя, по моим ощущениям, самый интересный год получился, когда мне было двадцать. Все, что сегодня я ценю и чему радуюсь, появилось в то время. Я начала серьезно заниматься танцами. Я училась в институте, и мне уже было комфортно в его стенах, потому, что меня окружали хорошо знакомые и даже любимые люди. Я стала что-то понимать в психологии, которую изучала. Светлана Николаевна, куратор нашей группы, уже крепко держала нас в своих объятиях, учила, направляла, лепила. Это позже мы, ее ученики, поставили чрезмерную опеку ей в вину, обозвав попыткой манипулирования и авторитарностью, но тогда еще все было прекрасно, и авторитеты оставались незыблемыми.

«С днем рождения, Анна Игоревна! Надеюсь, вы остались такой же жизнерадостной, как года два или три уже назад. А, может, и четыре). Желаю вам всего самого лучшего. Творческих успехов. Чтобы в жизни все складывалось так, как вы этого хотите. И чтобы вы никогда не грустили по пустякам», – написала мне Полина, девочка из театральной студии.

Я ставила им танец для спектакля «года два или три, или четыре назад». «Не грустите по пустякам!» Пока все было наоборот: многое складывалось не так, как мне бы хотелось, и не всегда весело,

В год своего двадцатилетия летом я улетела в Испанию. Почти дикарем. Кроме оплаченного перелета до Барселоны и обратно и нескольких дней запланированного проживания в Бильбао, в семье Ойера Бадьолы, с которым я познакомилась в интернете, у меня не было ни отеля в Барселоне, ни билетов на автобус до Бильбао и обратно. Денег тоже было в обрез. Я сэкономила каждый евро, но это было захватывающее трехнедельное приключение, полное впечатлений и неожиданных встреч.

Я жила в большом, красивом, окруженном садом доме, в Бильбао – городе на атлантическом побережье Испании, куда нечасто заносит русских туристов. Ойер обожал меня. Он так старался, чтобы мне было хорошо, что порой становилось совестно – я не могла ответить ему таким же вниманием. Мы объездили почти все северное побережье страны басков. Здесь я впервые увидела океан, именно океан, а не море. Я ощутила его мощь, энергию его волн, захлестывающих берег.

Я познакомилась с друзьями Ойера, его сестрой, родителями и замечательной восьмидесятилетней бабушкой. Все были очень милы со мной. Особенно бодрая старушка, завалившая меня при встрече кучей вопросов о России. При расставании она вынесла две корзины яблок из собственного сада – специально для меня: Ойер накануне сообщил ей, что «русская гостья вегетарианка и обожает фрукты.

– Вегетарианка? В вашем возрасте? Это удивительно. Это характеризует вас, как думающего человека, – сказала бабуля, с интересом глядя на меня из-за очков.

С Ойером мы остались друзьями. До чего-то большего дело не дошло.

Мне было тогда двадцать лет.

Может быть, это свойство круглых дат – быть запоминающимися, не всегда со знаком плюс, но главное – не безликими, канувшими в омут лет без следа.

Я хорошо помню свои десять и пятнадцать лет.

В десять наша семья переехала в другую страну, и вся моя жизнь перевернулась с ног на голову. Дома остались друзья и подруги, привычная жизнь и понятные взаимоотношения. На новом месте – стычки с аборигенами, языковые проблемы, новые друзья. И свобода! Какая там была свобода! Мчаться на велосипеде по Ариэлю, загорать до черноты возле городского бассейна, нырять и плавать хоть целый день.

В пятнадцать лет жизнь моя была сложна и совсем не лучезарна. Я была усталой, нервной анорексичкой, с кучей комплексов, без друзей, в новой школе и без всякого представления о собственном будущем. Сейчас я понимаю, что школа была замечательной, и меня окружали классные ребята, и что из тех двух лет можно было взять гораздо больше, чем я решилась или смогла.

В двадцать два я окончила институт, а значит, этот год прибавил мне одну вещь, саму по себе бесполезную, если бы за этим не стояли пять лет усердной, и не очень, учебы, новые знакомства и новый социальный статус. Я была теперь дипломированным специалистом – психологом-консультантом, но без опыта работы. А значит, имела то, что никому не было нужно.

Вся наша группа была примерно в том же положении. Никто не знал, куда податься. Работать? Учиться дальше? Замуж? В армию? Все равно, что стоять на оживленном перекрестке и крутить головой в разные стороны, соображая, как вписаться в его сложное движение.

Замуж я не хотела. Учиться дальше тоже. Хорошо, что к тому времени у меня сформировалась устойчивая любовь к хореографии, и существовала группа девочек, которым я преподавала ирландские танцы. Хоть что-то незыблемое. Эти маленькие островки стабильности в моменты неопределенности и душевного раздрая спасают.

«С днем рождения. Моря счастья, высоких прыжков и легких ног», – написала подруга по студии ирландских танцев. Это было замечательное пожелание. Она знала, о чем говорит.

В январе мы съездили в Париж. Мне было двадцать два. Это было еще до нашествия беженцев с Ближнего Востока и связанных с этим опасностей. Париж блистал – романтическая сказка для влюбленных. Мы бродили до ломоты в спине по улицам этого прекрасного монстра, отдыхали на деревянных скамьях готических соборов, вечерами там же слушали орган. Мы засыпали и просыпались под колокольный звон собора святой Екатерины, к стене которого был прилеплен наш шестиэтажный дом, и в нем – малюсенькая комнатка, в которой мы жили. Она же спальня, кухня, столовая, душ и уборная. Все – на девяти квадратных метрах, зато с небольшим садиком, сооруженным в каменном мешке на уровне второго этажа. В этот садик можно было попасть только через окна нескольких квартир. Там вечерами курили наши соседи, попивая кофе и непринужденно болтая по-французски.

В двадцать три я сделала самостоятельный, серьезный шаг в ирландских танцах: ушла от питерского преподавателя и присоединилась к школе голландского тренера Кэтрин Хейк. В то время у меня уже была своя небольшая студия, где занимались маленькие девочки, любящие высоко прыгать и держать ровно спинку.

В двадцать три я много ездила, в основном, в Голландию. Сначала путешествовала, потом училась в школе Кэтрин. Жила в ее доме под Амстердамом и занималась с ее учениками, чемпионами Европы. Это было очень круто! Через год Кэтрин приехала в Петербург, и учила уже моих девочек. Фантастика просто!

«Ну, с днем рожденья, что ли, – написал Миша, – Желаю найти свое место и побольше детей. Это же счастье!»

Дети были – шесть девочек в моей студии ирландского танца, и это на самом деле было счастье.

В двадцать четыре я не сидела на месте. В начале года, в несезон, я буквально свалилась с небес на итальянский курорт Римини. Самолет долго пробивался сквозь снеговую черную тучу, потряхивало, девушка в соседнем кресле причитала, кто-то вскрикивал, все молились. Со второго круга мы сели на заснеженный аэродром.

Когда прошли таможенный контроль, получили багаж и вышли к автобусу, из-за туч выглянуло солнце, сугробы на глазах стали оседать, темнеть и все поплыло.

На длинном и широком пляже Римини еще лежал снег, и местные жители на беговых лыжах, радостно переключаясь, прокладывали в нем неровные колеи. После полудня праздник кончился – снег растаял, пляж полностью обнажился и от лыжных троп не осталось и следа. Итальянский февраль превратился в питерский май. Моя душа ликовала: я обожаю весну в любое время года!

В окрестностях Римини есть что посмотреть, каждый город хорош по-своему. В отеле, где я жила, очень советовали посетить Ровенну, но меня она оставила равнодушной, порадовал только незащищенный wi-fi на старинной, вылизанной до блеска, украшенной цветами в вазонах и деревьями в кадках центральной площади, возле мэрии.

Университетская Болонья кишела студенческим людом, наводнявшим улицы и площади, ломящимся в пабы и бары. На узких улочках невозможно было разойтись с легковым транспортом, а средневековые башни падали на город не хуже знаменитой Пизанской.

В Римини все недостатки курортного города перекрывало наличие моря с широким и длинным – насколько хватает взгляда – песчаным пляжем. Но этом пляже и улицах Федерико Феллини колдовал когда-то. В старой части Римини я бродила по узким улочкам вокруг центральной площади, заглядывала в маленькие магазинчики с великолепными и недорогими вещами в красивых витринах – пришло время скидок. В среду на ратушной площади работал большой рынок, где продавалось все, что душе угодно – от дорогого антиквариата до китайского ширпотребя. До антиквариата дело не дошло, я ограничилась недорогим бор-

довым пальто, которое прослужило мне потом много лет. В полдень, в самую жару, я с наслаждением пила вкуснейший кофе на площади Феррари с законсервированным под стеклянным куполом древнеримским раскопом посередине.

От Сан-Марино осталось ощущение родного места, как будто мои предки веками жили за его высокими стенами и обозревали с городского холма туманные окрестности. Я могла бы поселиться здесь, чтобы видеть с крепостной стены всякий раз другие дали: цвет, свет, тени – все меняется непрерывно. Я бродила бы по его узким улочкам и писала бы маслом все, что попадется на глаза. И так день за днем, без усталости и скуки.

В июне того же года был Таллинн с большими концертами мировых знаменитостей на Певческом Поле. Светлоголовая эстонская публика очаровала меня. У эстонок восхитительный натуральный цвет волос – платиновый, чистый, без приевшейся желтизны. Они корректны и гостеприимны на своем рабочем месте, особенно если это место – Старый город отель или площадка для проведения мероприятий на открытом воздухе. Никто не отворачивался и не прикидывался глухонемым, услышав русскую речь. Только однажды, продавщица в кондитерской около ратушной площади переспросила меня на английском. Она не знала русского языка. Я попросила чашку кофе и кусок пирога еще раз и получила желаемое.

В рамках большого фестиваля в Таллинне проходили два концерта, двух мировых звезд, которые изначально были неравнозначны для меня. Хосе Каррерас или Элтон Джон? Я предпочитала, безусловно, первого. Но, в результате, прониклась уважением к ответственному трудяге англичанину и разочаровалась в великом испанце, который, совершенно очевидно, берет голос.

Ну и, конечно же, сам город. Таллинн взял меня в плен сразу и навсегда. Он прекрасен в любое время года и в любую погоду. Он всегда разный и всегда желанный. Он как сказка: в нем всегда остается тайна, сколько бы раз ты не приезжал сюда.

Осенью того года, как случается у всех перелетных, мной овладел миграционный зуд, и произошло чудо, о котором я уже перестала мечтать. Я обнаружила в Берлине Академию танца, которую давно искала. Как я не наткнулась на нее раньше? С моей-то дотошностью в поисках. Это была настоящая удача! И я засобиравшись в Берлин.

Если подумать – неплохие годы, насыщенные событиями, встречами и впечатлениями время. Однако ощущение счастья осталось от двадцатого и двадцать пятого года. Почему?

Ответ я нашла на своем туалетном столике, старом, простого фасона, без излишеств. Когда-то, в непростой для меня момент, я прочитала, как в первый раз, короткое стихотворение Бродского, переписала его от руки и воткнула в угол зеркала: «... тогда, когда любовью с нами нет, тогда, когда от холода горбат...». Все верно. Гениальный поэт знал кое-что «про любовь». Двадцать и двадцать пять лет были отмечены ее нереальным светом. И это было счастье. Плохо, что я еще не была готова к встрече с ним).

«Надеюсь, что у тебя все хорошо: танцуешь, работаешь, улыбаешься и наслаждаешься жизнью. Попробую сейчас уснуть =/ Надеюсь, мое следующее письмо будет более радостным. Береги себя, Дэвид. P.S. Мне действительно нужно было с кем-то поговорить сегодня, и я сразу же подумал о тебе. Я чувствую себя ужасно после последних наших писем. Это письмо что-то вроде попытки попросить прощения...=/».

2

Мария Павловна не знала, как помочь Аньке. Обычно, пытаясь разобраться в ситуации, она ставила себя на место терпящего бедствие, что-то понимала, что-то додумывала, и... как-то определялась.

В случае с дочерью все было иначе. Когда она примеряла на себя ее переживания, волна любви и жалости накрывала с головой, мешая сделать правильные выводы. Все решалось бы легко, будь на месте Аньки сама Мария Павловна или любой другой человек. Так ей казалось.

Ее прямолинейный немецкий ум решал задачу просто. Но дочь была тоньше, по-женски изощреннее и богаче, содержательнее, и там, где у Марии Павловны было всего два цвета, у Аньки было наворочено столько тонов, полутонов, теней и световых пятен, что голова шла кругом. Картина не складывалась. Мария Павловна путалась в великом множестве привтекающих обстоятельств, не могла нащупать причинно-следственные связи, мотивы и побуждения.

– Если любите, живите вместе и не осложняйте жизнь друг другу, если не любите, расстаньтесь и забудьте. Каждый еще встретит свою любовь, Если сомневаешься, представь, что этого человека никогда уже не будет рядом, и с этим новым опытом пойми, как двигаться дальше, – сказала она как-то дочери.

Смогла бы она в свое время последовать этому совету?

Анька ответила коротко:

– Это невозможно.

И Мария Павловна поняла, что дочь права.

Ее собственные юношеские нешуточные страсти, отдалившись во времени, утратили былой накал, блеск и детальность. Теперь ее любовь была иного рода, она имела другую направленность и была скорее сострадательного, примирительного свойства, чем завоевательной.

Окружавшие ее люди были охвачены желаниями: и молодые, и старики. И нельзя сказать, что у молодых переживания эти были более значимы. Только одно выделяло их – то, что направлены они были на цветение, продолжение жизни и вмещали больше энергии.

А страсти немолодых людей говорили о многообразии чувств и существовании жизни и эмоций там, где их уже никто не ждет. Мария Павловна любила стариков. Наверное, потому, что умная, добрая и достойная старость была душевной опоркой для нее в ее штормовом детстве. Именно бабушки и дедушки учили ее радости, возможности делать открытия в любом возрасте и мудрой реакции на жизнь.

Жизнь виделась Марии Павловне таким ярким узбекским ковром, на котором каждый человек и весь его род вышивает своим цветом свой узор. Причудливые цветы и линии переплетаются, расходятся, соединяются, рождая до сих пор не виданное чудо. Каждый трудится над своим фрагментом этого вселенского ковра, общий замысел которого не подвластен человеческому разумению.

3

После дня рождения я заболела. Сидела дома, проклиная температуру, кашель, вынужденное одиночество и еще не прошедшие разочарование и обиду. На кого? Больше на себя, но и на него, конечно. Но все по порядку.

В январе прошлого года я поехала в Москву. Для питерского жителя выбраться в столицу – целое событие. У меня есть дальние родственники, которые несколько лет собираются навестить престарелую московскую тетушку, но никак не решаются это сделать. В моем случае повод для поездки был более чем важный: я загорелась идеей учиться в Берлинской Академии танца. Учебную визу в Германию оформить нелегко, поэтому мне нужен был другой выездной документ, к примеру, израильский загранпаспорт – даркон. Он дает возможность находиться в Германии долгое время, и без визы.

В Москву мы поехали со Славой, хорошим моим приятелем. Я не звала его с собой, предвидя очереди в консульстве, но он неожиданно собрался сам. Сказал, что хочет развеяться, встряхнуться, получить новые впечатления. Оно и понятно: Слава недавно развелся с женой и переживал не самый лучший период в своей жизни. У него, конечно, непростой характер, но он большой молодец. Это точно. Его движение по жизни целенаправленно и осознанно, не без виражей, конечно, но с интересом и честностью в реакциях на ее повороты. В отношении меня Слава претендует на роль наставника, а, возможно, и на что-то большее, но тактично, без назойливости и перегибов.

Мы сели в поезд на Московском вокзале после полуночи. На перроне за окном суетился народ – те, кто планировал прибыть в первопрестольную рано утром. В свете фонарей кружил снег. За освещенной территорией Московского вокзала, между островерхих крыш и башен висело грязно-черное, с молочным налетом питерское небо. В вагоне было тепло. Предчувствие путешествия веселило душу. Москва на завтра обещала минус пятнадцать.

Мы сидели рядом на нижней полке, в полутемном вагоне, и Слава говорил и говорил, не умолкая. Он рассказывал о работе, о дочке, которую навещал в прошлые выходные и которой подарил игрушку, слона, очень большого и дорогого, о ремонте, что делал в новой квартире, о том, почему перестал ходить на ирландские танцы, Ему хотелось выговориться, ему не хватало общения. Я слушала его и рассматривала людей на платформе.

– Ань, ты слушаешь меня? – потребовал моего присутствия Слава.

– Да! Как прекрасно иметь такого большого слона, – сказала я.

– Если хочешь...

Пискнул лежащий на столе телефон. Не поздно ли? Я взглянула на имя отправителя сообщения – для него самое время. Писал товарищ по институту – Эдик. Стиль и пунктуация не позволяли усомниться, что это он. Эдик не выходил на связь несколько последних дней, и вот теперь дал о себе знать:

«Я был отключен какое-то время. Депрессия. Размышления о смысле существования... Скорее всего, до истины не докапаться, и потому возникает вопрос: стоит ли продолжать? Или просто плыть по течению? Не пугайся. Так бывает. =) Я же художник. Ты мне нужна».

– Что-то важное? – спросил Слава.

Я махнула рукой.

Поезд тронулся, покотился сначала медленно, потом выехал за территорию станции и стал набирать ход. Вагон покачивало, снег бил в стекло, за окном надвигался, потом отступал во тьму, потом опять выныривал в свете фонарей большой город.

Где-то после Пискаревки проводница приглушила свет, и пассажиры стали укладываться на свои места. Поезд прибывал в Москву в половине седьмого утра. Мы со Славой тоже улег-

лись на нижние полки, через проход друг от друга. Лежали и молчали. Я думала, что ответить Эдику, Слава как будто чего-то ждал, потом отвернулся к стене. Уснул или обиделся?

Эдику хотелось поговорить. На самом деле он – загадочная личность. Он грузин. Или еврей. Или и то, и другое вместе. Очень интересный человек. Он проучился с нами в институте три года, а потом ушел в творческий поиск, и выныривал время от времени – то художником, то коммерсантом, то научным работником, то поэтом. Темноглазый восточный красавец, с всегда аккуратной прической. В институте он одевался в широкие, на размер, больше, чем нужно, деловые костюмы – для солидности. Его обожали бы девушки, будь он чуть повыше ростом, нарасти мускулатуру и обрети легкость в общении и ненавязчивое чувство юмора. Но в то время шутки его были слишком экстравагантны, и он не интересовался спортом, потому что день и ночь был занят поисками себя: он писал стихи, романы, картины маслом. Потом ему перестало хватать времени на учебу, и он забросил институт. У него появилась девушка, потом другая. Говорят, он чуть не женился на одной из них.

Сейчас ему нужно было излить душу и знать, что его услышали.

Я попыталась ответить на его крик души, написала, потом исправила, переписала еще раз, боясь смутить или обидеть, собралась отправить, но поезд несся сквозь тьму уже где-то за городом, в полях, и мои сообщения застревали в порывах метели и не доходили до получателя. Когда поезд пролетал мимо какого-то небольшого городка, я получила еще одно письмо от Эдика.

«Не люблю жаловаться =)), – писал он. – Просто хотел посмотреть, что ответишь. Спишь уже, что ли =) Короче, я рад тебе) И не выдумывай по поводу моего исчезновения) Я почти всегда на связи!»

Связи не было. Все, спать! Славка спал, отвернувшись к стене. За окном завывала метель. Спал весь вагон. Спать. Встретимся завтра в Москве.

4

Александрю снился сон. Он выходит в столовую, освещенную телевизором, и не узнает ее. В реальности эта комната едва вмещает пятнадцать стариков – маленькая, с двумя огромными окнами-витринами, которые неудобны и жарким летом, когда солнце в полдень само одуревает от зноя, и сырой зимой, плачущей дождями. Сейчас большой свет выключен, столы и стулья сдвинуты к стене, и потому комната кажется огромной. Он выходит упругим шагом молодого человека и видит...

За окном – ночь большого города: ржаво-рыжая, разбавленная светом желтого фонаря, похожего на полную луну, выросшую на синтетическом газоне.

«Вечное полнолуние, – думает Александр, – оттого здесь хочется волком выть».

В столовой висящий под потолком телевизор плюется словами полузабытого языка, а внизу – в пластиковом кресле, в полудреме развалилась она. Его мучительница. Большое, тело размякло от жары. Ноги в плотно облегающих черных лосинах закинута на стол. В безвольно свисающей с подлокотника руке тлеет сигарета. Губы полуоткрыты, и в голубоватом свете из-за них поблескивают ровные острые зубки хищницы

Он подходит к женщине вплотную – большой, здоровый, крепкий мужчина – наклоняется над ней. Она выныривает из дремы, и в ее глазах появляется обычная насмешка.

– Как ты оказался здесь, старый хрыч? – говорит она, – И ведь дополз, смог, посмотрите-ка на него! Что же ты прикидываешься немощным днем? Тебе нравится, ездить на моем горбу? Или тебе чего-то хочется? Все еще хочется? – дальше она говорит совершенно непотребные вещи и протягивает руку для того, чтобы, как обычно, ущипнуть его за ставшее ненужным и причиняющим только боль место.

И тогда он стремительным, молодым движением перехватывает ее руку, выдергивает из кресла и толкает к столу. В первое мгновение она пытается сопротивляться, бьет его в грудь свободной рукой, ругается непристойно, но потом затихает. Она привыкла подчиняться силе, она любит силу. Она понимает, что с ним, теперешним, шутить нельзя. И тогда он делает с нею то, что давно хотел сделать, о чем мечтал ночами, лежа без сна, наедине с болью и страхом в одинокой тишине этого жалкого пристанища для стариков, делает то, что делали много раз – он слышал это – другие мужчины. И она, как всегда, не сдерживает криков, потому что абсолютно уверена в молчании одиннадцати полуживых старух и четырех стариков, затаивших дыхание и превратившихся в слух в своих холодных постелях. И, как и много раз до этого, дом напрягся и ждал всеокрушающего финала.

Абсолютно правильный диск луны вздрогнул, взмыл к небу, наполнился неудержимо-пронзительным сиянием и взорвался, осыпая искусственный газон ослепительными осколками. Старый дом со всеми приживалами перевернулся, и Александр открыл глаза.

Стояла ночь, в окно светила настоящая луна, а в комнате для персонала кричала Ольга, и тяжело дышал мужчина.

5

У дверей израильского посольства толпился народ. Люди заранее заняли очередь, и к девяти часам, к открытию учреждения, успели замерзнуть и озлиться. Охрана профессионально, как это умеют делать израильские спецслужбы, фильтровала посетителей. Мы перемещались из одного отстойника в другой, в соответствии со списком в руках служащего, и в зависимости от наличия израильского паспорта. Меня пропустили внутрь здания. Славу отфильтровали на первом же этапе, еще на улице. Он, было, взвился – за что такая несправедливость, но я сделала грустное лицо:

– Тебе хорошо, сейчас сядешь где-нибудь в теплой кафешке, не торопясь, выпьешь утренний кофе, может быть, съешь булочку. Будешь сидеть и смотреть в большое окно, как замерзшие люди бегут на работу. Тепло, спешить некуда. Что может быть лучше... – сказала я совершенно искренне.

Славик, осознав все плюсы своего положения, приободрился: больше всего на свете он не любил чувствовать себя обделенным. Да что тут говорить, я и сама с удовольствием расположилась бы где-нибудь за столиком, заказала горячий, ароматный напиток. С корицей или мускатным орехом. Это вообще моя мечта: завтрак в теплом кафе зимой или на открытой веранде, украшенной цветами, летом. Мимо идут люди, едут машины.

Сегодня мою мечту мог реализовать Слава.

Через пятнадцать минут я получила от него жизнеутверждающее сообщение:

«Хомячу едрён кофе в „Кофехауз“. Как у тебя дела? Вошла? Примут без списка? Все хорошо?»

В этом был весь Слава: миллион вопросов, хотя расстались мы двадцать минут назад. И ожидание немедленного ответа. Ответить на сообщение в тот же миг я не могла – в посольстве просят не пользоваться телефонами. Слава расстроился. И обиделся. Короче, через двадцать пять минут после расставания мы опять были в ссоре.

«Ну, не хочешь отвечать – как хочешь. Я к ней со всей душой и нежностью, а она – попиной ко мне», – написал он.

Я молчала. В посольстве не следует никого раздражать.

Армия влияет на планы молодого человека не только в России. Израильская армия играет по тем же правилам, но, в отличие от российской, интересуется не только парнями, но и девушками. И десять лет назад она заглядывалась на меня, когда я с родителями и старшим братом возвращалась в Россию, и сейчас была бы не против заполучить меня в свои объятия. Вот только у меня были другие планы. Конфликт интересов, в результате которого я могла остаться без загранпаспорта международного образца, по которому тебя примет безоговорочно не только Евросоюз, но и – бери выше – сама Великобритания!

Именно поэтому сегодня мне надлежало быть особенно убедительной. Я все изложила в письменной форме. На иврите – основные данные, чтобы видели, с кем имеют дело, а причину – из-за сложности изложения – на английском языке. Женщина в окошке приветливо мне улыбнулась. Она меня почти любила. Но время! Время! Документы – в окошко. Спасибо, огромное спасибо. Премного вам благодарна. Всего доброго. Все, все, все! Тем более, что Славик после кафе «почапал дальше», о чем он и поведал в последнем сообщении.

Прощай посольство. Привет Москва. Привет, новая шапка – черная с серебряной нитью. Очень дорогая, но Слава настоял. Было, и правда, очень холодно в столице – синоптики не обманули. Ледяной ветер вымораживал из организма все тепло.

Мы побродили по промерзшему городу, пообедали. На Красной площади задувало так, что мы сочли разумным зайти погреться в ГУМ. Здесь было многолюдно и тепло. Мы про-

шлись по празднично украшенным отделам, в какие-то заглянули через стеклянные витрины. Цены лишали уверенности. Все было очень дорого.

Пока мы гуляли по Москве, а потом мчались на «Сапсане» в Питер, Слава разрабатывал план борьбы с израильскими военными, в случае, если они попытаются помешать мне в получении даркона. Я не останавливала его, хотя была на сто процентов убеждена – победить израильскую армию невозможно. Слава, конечно, великий стратег, но ему противостоит многовековой опыт побед не числом, так хитростью и умением, берущий начало еще в библейские времена. А это не шутки).

Оставалось надеяться, что все обойдется миром, решится полюбовно и мои объяснения, изложенные в посольстве, возымеют действие. Эх, побыстрее бы! Уже в начале февраля в Берлине начинались танцевальные курсы, а даркон был единственной возможностью официально оформить отъезд.

Между тем Слава, воодушевленный барабанным, по-военному четким стуком колес, шурясь от яркого солнца, рассыпанного брызгами в мелькающих за окном сугробах и снежных шапках на деревьях, был неутомим и призывал к действию. Может быть, фиктивный брак с израильтянином? Или маленькая победоносная война? Или тайное, очень-очень-очень тайное, проникновение в генеральный штаб... Мы хохотали, как ненормальные, вызывая неодуменные взгляды окружающих. Солнце творит с питерским жителем настоящие чудеса.

6

У него было сулящее удачу имя – Аурель. Аурель Раду. С молодости он носил длинные волосы, аккуратно зачесанные назад, имел на среднем пальце татуировку в виде перстня – свидетельство какой-то давнишней истории, держал очень прямо спину и ходил абсолютно бесшумно, как охотник или индеец. Все говорили, что он похож на Гойко Митича, героя вестернов его молодости, и ему нравилось это сравнение.

Пятьдесят прожитых лет отметились на его худом, смуглом лице глубокими бороздами, ногти среднего и указательного пальцев правой руки пожелтели от сигарет, в темных волосах поблескивала седина, но ослепительно-голубые, спокойные глаза выдавали живущую в нем душу двадцатилетнего юноши, абсолютное бесстрашие, гордость и волю.

В год десятилетия расстрела четы Чаушеску, Аурель в третий раз ехал на заработки за пределы страны. В первый раз он полгода, с апреля по октябрь, работал в соседней Чехии. Строил дома в деревне Стржешовице под Прагой. Заработал не очень много, что-то потратил на жилье и сигареты и вернулся домой совсем не богачом. Денег хватило на то, чтобы отремонтировать дом и жить, не очень прижимаясь, до следующей весны.

Сосед, проработавший осень и зиму в Израиле, и вернувшийся в Плоешти в конце марта, теперь собирался строить новый дом для сына. Он рассказывал фантастические истории о вечном лете, забытых разнообразными товарами супермаркетах, пылких южных женщинах и о своих успехах на этом фронте. Соседи-мужчины слушали его с недоверием и завистью, и хвастались своими приключениями. Аурель помалкивал, охраняя покой семьи. Он знал, что деньги и кроличий синдром таинственным образом связаны, что связь эта прямая – чем ты активнее в одном, тем больше тебе дается другого, главное, чтобы не мучила совесть. Но еще он знал, что все может полететь в тартарары, если к инстинктам прибавится что-то более сложноустроенное, любовь, например.

Он не искал любви, потому что она ждала его дома – его жена Клаудия. Работать он умел, и, несмотря на то, что благополучие никогда не давалось ему легко, он знал, что его упорный труд будет вознагражден.

В следующий раз Аурель отправился на заработки в Израиль. Здесь за работу платили в несколько раз больше, чем в Чехии, и в декабре-феврале не нужна была зимняя одежда, потому что даже сильный дождь с ветром при плюс двенадцати – это не зима. В самые холодные дни он обходился короткой кожаной курткой темно-коричневого цвета, одетой поверх тонкой водолазки, голубыми джинсами и удобными мокасинами. Во все остальное время гардероб его составляли футболки с шортами и сандалии. Хорошая экономия.

Помимо финансового, в Израиле у Ауриля был и другой интерес, личного свойства, касающийся его матери, о котором он широко не распространялся, но который был не менее важным для него, чем заработок. Об этом знали только его жена, считавшая намерения мужа бесполезными и даже вредными, и младший брат, с надеждой ожидавший его возвращения.

Первая поездка в Израиль получилась тяжелой. Оказалось, что к местной жаре не так-то легко привыкнуть – временами она становилась нестерпимой. Аурель устроился в фирму, занимающуюся ремонтом и строительством дорог. Работать приходилось под палящим солнцем и, бывало, даже привычные к жаре местные арабы, вкалывавшие рядом, теряли сознание.

Аурель загорел дочерна, еще сильнее похудел, и теперь больше, чем когда-либо, был похож на вождя апачей. Иврит давался ему с большим трудом, и до встречи с работягами из Молдовы, которые в один прекрасный день появились в их строительной бригаде, он практически круглые сутки молчал, и временами ему казалось, что скоро он разучится говорить

В ту поездку о матери он ничего не разузнал, да это было и неудивительно с его познаниями в языке. Брат был разочарован, Зато, к радости Клаудии, заработанных денег хватило им на два с лишним года безбедной жизни.

Возможно, хватило бы и на больше, если бы старший сын, которому только-только исполнилось двадцать лет, не решил жениться. В конце лета он привез из Бухареста девушку, совсем девочку, еще моложе, чем он сам – знакомиться. Девушка много улыбалась, мало говорила, и смущалась в присутствии родителей жениха. Когда сын с невестой уехали, Клаудия сказала твердо:

«Для общего спокойствия, счастья и благополучия старикам не следует жить с молодыми. Нужно покупать или строить дом».

Кроме того, требовала решения проблема, связанная с матерью, которая существовала уже много-много лет – этакая душевная заноза или вялотекущая болезнь, присутствие которой особенно ощущается в самые тяжелые минуты.

В конце октября Аурель снова ехал на заработки в Израиль, в эту странную, ни на одну другую не похожую страну, которая умеет приворожить человека или напрочь отворотить от себя того, кого она не захочет принять.

Все получилось удачно, без лишних проволочек. В сентябре Аурель наведлся в Бухарест, в уже знакомую ему фирму, которая в прошлый раз подыскала ему работодателя в Израиле, подписал договор о том, что не будет иметь претензий, если что-то пойдет не так, заказал визу и оплатил билеты. В середине октября он еще раз съездил в столицу, забрал готовую визу и направление на работу. В магазине он обновил свой гардероб: купил черно-желтую ковбойку, новые коричневые мокасины и бежевые вельветовые брюки – на зиму.

До отъезда оставалось несколько дней, и он занялся домом, потому что уезжал не на неделю и не на две: что-то подремонтировал, подправил, покрасил. Близкое расставание прибавило зоркости глазу.

Один из вечеров Аурель посвятил своей коллекции курительных трубок, которая насчитывала девяносто два предмета и являлась объектом его гордости. Некоторым экземплярам было по сто с лишним лет. И они стоили немалых денег. Например, под номером три находилась трубка из Франции конца девятнадцатого века, не простая, а с дополнительной чашей. Небывалая редкость. Обе чаши изготовлены из дерева, инкрустированного металлическими вставками, а мундштук – из оленего рога,

Или вот эта – одна из любимых трубок Ауреля – «охотничья» с крышкой. Из России. Тридцатые годы двадцатого века, фарфор с росписью на охотничью тему, металл, деревянная вставка с винтовой нарезкой. Чубук крепился шнурком к мундштуку.

Некоторые трубки были настоящими шедеврами ручной работы. Одна из них под номером двадцать один: дерево, янтарь, резьба. Франция, первая четверть двадцатого века.

Какие-то принадлежали персонажам историческим, как эта, под номером девять – трубка Николае Чаушеску, с которым Аурель был лично знаком.

Все трубки были разложены в матерчатые кармашки черного бархатного «патронташа», рассчитанного на девяносто шесть предметов. Сейчас были заняты девяносто два из них. Четыре кармашка были пусты. Это был его неприкосновенный запас, его «кубышка на черный день», с которой он решился бы расстаться только в самом крайнем случае.

Аурель аккуратно свернул «патронташ» и уложил свое тяжеловесное сокровище в нижний ящик деревянного комода с искусной резьбой вокруг кованых ручек. Он никогда не курил из этих трубок, потому что для каждой из них, чтобы трубка «зазвучала», нужно подобрать один-единственный сорт табака, который соответствовал бы именно этому материалу и этой форме, а для некоторых трубок табак требовался и вообще драгоценный.

Когда наступил день отъезда, он еще раз проверил уложенные в чемодан вещи, взял кожаную куртку – на случай зимних пронзительных ветров с моря, зачесал назад темно-русые

волосы, пригладил вислые усы, обнял отца, поцеловал жену, сыновей и уже повернулся было, чтобы уходить, но Клаудия остановила его. Она быстрым шагом поднялась на второй этаж, где находилась их с Аурелем спальня, и через несколько минут спустилась вниз с маленьким кожаным мешочком в руках. Мешочек был стянут кожаной тесемкой, такой длины, чтобы его можно было свободно носить на шее. «От сглаза и от соблазнов, от злых сил, подстерегающих нас в пути. Носи, не снимай», – сказала она, надевая амулет на шею мужу, и глаза ее заблестели.

7

«Давай встретимся. Я закажу столик в кафе. Посидим вдвоем. Ты и я»

Это был Эдик. У него сегодня День рождения. Я поздравила его утром. И вот теперь он хотел отметить это событие со мной.

«И чем же тебя порадовать при встрече?» – спросила я.

«Что-нибудь символическое», – ответил Эдик.

«Может что-то особенное?» – настаивала я.

«Особенное? Может быть, поцелуй?!=)»

Мой друг Эдик. Это была не просто шутка. Даже совсем не шутка. Черт дернул меня за язык. Каков вопрос, таков и ответ. Вот теперь думай, как выкручиваться из этой ситуации.

К тому же, совершенно нет времени. Эта замотанность. Дела-дела. Я подумала: «Ну как я поеду? Он начнет ко мне клеиться, а я не люблю, когда ко мне клеятся друзья». И я не поехала в кафе. Это было жестоко. Наверное, он ждал. Сидел один за пустым столиком и поглядывал на часы. Потом встал и ушел...

Я не люблю это воспоминание.

8

Ольга, прикрывшись пестрым покрывалом, сидела в кровати. Бени стоял к ней спиной, застегивая брюки. Если бы он не был хозяином здесь, он был бы прекрасным любовником. А так между ними неотступно стояли ее страх потерять работу и его неограниченная власть над этим домом, вместе с ней и со всеми его стариками, старухами, запахом старческих слез, блеском паутины, бывшей когда-то старушечьими волосами, забытыми в пропитанных стонами затхлых углах.

Она вздохнула, поправила бретельки маечки и стала ждать окончания свидания, которое завершилось, как и все остальные.

– Уже поздно, – сказал Бени, – Я пошел. Ты работаешь завтра?

– Вечером, с Рукией, – ответила она, старательно складывая слова чужого языка.

– Ну, и хорошо. Увидимся. Бай, – и он растворился в ночи.

«Будто бы и не было его. Козел, – разозлилась Ольга. Ярость вдруг ударила в голову, – Сделал свое дело, и – бай. К Рукие даже не пытаешься подступить, дерьмо. Боишься. Только попробуй – сразу – чик – все твоё хозяйство под корень. Хорошо, если живым тебя оставят ее арабские братья. Они умеют постоять за своих женщин. Да и за себя тоже. Это только наши мужики сопли жуют, пока их баб, за ими же заработанную копейку, всякие придурки трахают».

Рукия была санитаркой в этом пропахшем старостью гареме, где безраздельно царствовал сорокапятилетний восточного вида мужчина. Ее, единственную изо всего обслуживающего персонала, Бени держал не за то, что она была женщиной, а потому что она работала, и много работа здесь. Двор с зеленой травой, вымощенные разноцветным камнем дорожки, кухня, в которой сукразитные шарики – по распоряжению хозяина – шли на счет, в огромных холодильниках гнили красные перцы, зеленые кабачки и желтые яблоки, эти семь комнат старческой безысходности – все тщательно обихаживалось ею – полноватой тридцатилетней арабкой с открытым приятным лицом и покладистым характером. Наверное, хозяин дома, Бени, не обошел бы своим вниманием и ее – ее круглое лицо было миловидно, большие черные глаза смотрели застенчиво, а крупные губы всегда улыбались навстречу собеседнику. Скорее всего, в один из вечеров хозяин, ощутив очередной нестерпимый зуд похоти, увел бы и ее в маленькую комнатку, едва вмещающую белый металлический шкаф и две высоких кровати, и сделал бы своей наложницей, как и всех остальных работавших у него женщин. Но он боялся – и совершенно справедливо – остаться после этого не мужчиной, а то и вовсе трупом – нельзя без последствий надругаться над арабской женщиной.

Вечерами за Рукией приезжал младший брат и увозил ее в свой дом, где она жила вот уже почти два года. До этого она шесть лет была замужем. О том, что случилось в ее семье, Рукия рассказывала неохотно.

«У нас не могло быть детей, поэтому муж не захотел жить со мной. Он взял себе молодую жену», – говорила она обычно, опуская глаза и краснея, если кто-то спрашивал ее о семейной жизни.

Утром на смену придут Лиля и Светка. Сорокапятилетняя одинокая Лиля – постоянно ожидающая внимания хозяина и ревнующая его ко всем, кроме Ольги, и молоденькая, хорошенькая Светка – на данный момент любимая жена этого местечкового эмира. Она появилась в доме месяц назад, улыбнулась пухлыми губами, произнесла длинный монолог на родном языке Бени, ответила, улыбаясь, на его вопросы. Тоненькая ниточка трусов между округлых ягодиц была едва заметна под просвечивающим на солнце нежно-зеленым платьем с разводами ярких тропических цветов. Точеные ножки на высоких каблуках ступали легко. Все это вкуче решило исход дела. На третье дежурство Светка была определена в ночную смену, а на следующий день назначена старшей в доме после Бени, с приличной зарплатой медицинской сестры

и полным отсутствием каких-либо обязанностей, кроме одной – ублажать хозяина. Да и то: зачем еще нужна медицинская сестра в месте, где из соображений экономии полностью отсутствуют какие-либо лекарства, только перевязочный материал, присыпка да йод

Она прекрасно справлялась, и через две недели вся власть в доме оказалась в ее руках. Вся, которую позволил ей взять он – повелитель женщин, старух и четырех бессильных стариков, которые были уже почти мертвы, но помнили, что когда-то, очень давно и они были всемогущи.

Бени ушел. Бледно-желтая луна на тонкой ножке освещала зеленый газон, цветы вдоль дорожек, молодую крепкую пальму. В столовой ветер и свет фонаря рисовали через кружевные занавески колышущиеся узорные тени. Было душно и влажно. Ольга включила кондиционер: Бени уехал и уже не появится сегодня, и никто не будет ругать ее за транжирство, а в доме станет хоть чуточку прохладнее. Она закрыла входные двери и обошла дом. В последней комнате во сне громко всхрапывала Соня. Ольга по-кошачьи тихо прокралась мимо ее двери, чтобы не разбудить эту грозную и в восемьдесят лет старуху. В комнате Александра она услышала слабое постанывание, вошла: на освещенном лунным светом лице спящего старика светилась улыбка.

– Старый хрыч! Давно уже ничего не может, а туда же!

Она наклонилась и хлопнула рукой где-то посередине между торчащим животом и коленями. Старик вскрикнул и открыл глаза.

– Что, сны не дают покоя? – спросила Ольга по-русски.

Старик страдальчески улыбнулся, неловко высвободил из-под простыни руку и схватил за край ее коротенькой маечки.

– Да отстань ты, – Ольга стукнула его по руке, – Спи уже.

9

Все проблемы разрешились в один день. Мои ученицы успешно выступили на соревновании. Я позвонила в консульство в Москве, и там сообщили, что можно приезжать за паспортом. А Лена, с которой мы вместе ходили на ирландские танцы, согласилась позаниматься с моими красавицами, пока я буду в Берлине.

«Живи, сохраняя покой. Придет весна, и цветы распустятся сами», – говорят китайцы. К сожалению, со способностью «сохранять покой» у меня не всегда был порядок. Но цветы распустились)

Все завертелось со страшной, все нарастающей скоростью. Я ехала в Германию! Я ехала в Германию?! Я ехала в Германию, о, ужас! Через пару недель я должна была оказаться в чужой стране, а меня начали одолевать сомнения. Готова ли я уехать из любимого города и жить вдали от родных и друзей совершенно одна? Я совсем не была уверена в этом. У меня не было жилья. У меня было совсем немного денег. Я не понимала, смогу ли я найти подработку в Берлине.

Вот тут-то мне стало по-настоящему страшно.

Все жили своей жизнью – работали, учились. Слава занимался ремонтом машины и оформлял загранпаспорт. Эдик участвовал в выставке молодых художников со своими мрачно-ватными полотнами. Лучшая подруга Лиза, полгода назад уехавшая в Москву, готовилась к свадьбе. Я должна была решиться или отказаться от своей затеи.

«Если не поеду сейчас, потом буду жалеть об этом», – думала я,

«Жалеют обычно не о том, что сделали, а о том, чего не сделали, – поддержала меня мама. – В крайнем случае, всегда сможешь вернуться»

Этот довод убедил меня.

У меня был билет до Берлина. В-общем-то и все! Негде жить? Я оповестила об этом знакомых, и за неделю до отъезда фантастическим образом появилась квартира в уважаемом районе Берлина – Шарлоттенбурге. Ее хозяйка, Олеся, была давнишней институтско-кавэ-эновской приятельницей моей сестры, Маши. Маша, хвала ей и слава, несмотря ни на что, частенько выручает нас, своих родственников, в непростых ситуациях. У нее огромный круг общения.

Олеся уже много лет жила в Германии, работала в крупной автомобильной компании и через неделю уезжала на месяц в командировку. У нее тоже была своя заинтересованность во мне, но я в тот момент еще об этом и не подозревала. Я просто прыгала до потолка от счастья: все складывалось, у меня есть, где остановиться на первое время в Берлине! Я еду, еду! За месяц я как-нибудь освоюсь в городе и найду какую-никакую квартирку или комнатку. Я была в этом убеждена.

10

В самолете Аурель вспомнил брата. Если бы тот не приболел в начале осени, возможно, сейчас они летели бы в Израиль вместе. Брат был на два года младше, и они были абсолютно разными: Аурель пошел в отца, а брат был похож на мать. С братом они были очень близки. Они многое пережили вместе

Сначала это был уход из семьи отца. Младшему тогда было десять, а Аурелю двенадцать лет, и он помнил, как плакала совсем еще молодая мать, как вмиг опало ее лицо, и потухли глаза. Потом она справилась с горем, расцвела краше прежнего, научилась растить детей одна, полагаясь только на себя и на подросших сыновей, но в первые дни, недели, месяцы ей было невыносимо тяжело, и они умирали вместе с ней.

Потом было замужество матери через восемь лет. К тому времени они привыкли жить втроем, и, казалось, были абсолютно, безоблачно счастливы, а мать однажды, улыбнувшись, сказала, что, слава Богу, дети выросли, и она может попытаться устроить свою жизнь. Вскоре из Бухареста приехал тонконогий пижон с труднопроизносимой фамилией, подхватил улыбающуюся мать, ее чемоданы и увез в неизвестном направлении. Как оказалось, навсегда.

Через двадцать лет произошло еще одно событие: возвращение в родные края отца. К тому времени брат уже девять лет был женат, но его, как и раньше, тяготило его сиротство при живых родителях.

Отец вернулся побитый жизнью, несчастный, с оползшей книзу правой частью лица, и брат, позабыв обиды, взял отца в свой дом. Этого можно было не делать – у отца в Плоешти в большом доме жила одинокая престарелая сестра, и Аурель надеялся... Но брат поступил по-своему. Аурель отступил тогда в сторону в напряженном ожидании – они с отцом слишком хорошо чувствовали друг друга. Нужно было предостеречь брата, и он, как мог, сделал это. Но запретить он не мог – это значило пойти против отца.

Брат жил в доме матери, и отец вошел в этот дом по-хозяйски, словно и не покидал его никогда. Он в шестьдесят семь лет, как и десятилетия назад, остававшийся завоевателем и разрушителем, перевернул все вверх дном. Он любил сына, но это совершенно ничего не значило. Его дьявольское обаяние, действовавшее безотказно на всех женщин, не умалили ни годы, ни подступившие к тому времени болезни. Он увидел Диану, молодую жену брата, и в ту же минуту со всей силой возжелал ее.

Это был приговор. Женщины всегда оказывались бессильны перед его желанием. Они могли сопротивляться, движимые любовью к другому, чувством долга или страхом, но, если он не сбавлял напора и накала чувств, все уступали ему. Это было делом времени. Исход был предрешен. Диана тоже в конце-концов сказала себе, что так будет лучше. Почему и для кого лучше, она и сама не знала. Это было похоже на наваждение.

Потом все вышло наружу – да отец и не пытался скрывать своего превосходства. Диана плакала, но брат так и не смог простить. Отец уже давно не жил в его доме, а брат все помнил зло, был холодно-недоверчив с Дианой, а при встрече с отцом опускал глаза и становился молчалив. Теперь время от времени на него нападала хандра, которую могло излечить только время. Этой осенью он снова захандрил, и Аурель поехал в Израиль один.

Агентство на этот раз подыскало ему работу полегче и почти тысячу долларов ежемесячно. Пока Аурель не знал, награда это или расплата за что-нибудь, но это его жизнь, и, по крайней мере, ее не назовешь скучной. В этом и было его счастье. Он совершал поступки сам или под гнетом обстоятельств – но тоже сам, платил за них сам, и сам же получал награду. Он не жалел о сделанном, не пытался противостоять естественному ходу событий и ни на кого долго не обижался. Обиды себе и людям отпускал в короткой вечерней молитве, которая была больше похожа на душевный разговор со старшим мудрым человеком.

11

За три дня до моего отъезда в Берлин Олеся, хозяйка квартиры, написала мне письмо, которое я с большим удовольствием перечитала несколько раз. Манера изложения выдавала человека, близкого к веселым и находчивым. Удивительно, но письмо нисколько не насторожило меня.

«Приятно заочно познакомиться :), – писала Олеся, – Моя квартира находится в престижном районе Charlottenburg, соседнем с Schöneberg, в котором расположена Ваша школа. Посмотрела по карте – это всего в шести километрах, добраться можно на автобусе или метро за полчаса. Рядом с домом знаменитый Kurfürstendamm, это самый центр западного Берлина. Вокруг – невозможная красота, отличный шоппинг, куча продуктовых магазинов, кафе и ресторанов, четыре станции метро и куча автобусных остановок, зоопарк, парк и чёрта в ступе. Быстро добраться куда бы то ни было – вообще не проблема. Квартира однокомнатная, большая, с ванной комнатой, кухней и высокими потолками. Это старый фонд. Она у меня очень уютная и ухоженная, я люблю порядок. Самое главное: в квартире живёт Васят. Но ц/у про него я Вам выдам отдельно, когда договоримся принципиально».

Это была большая удача – квартира в центре и практически бесплатно. Все пока складывалось в настоящем, будущее тоже рисовало радужные перспективы. Если я успешно пройду танцевальные курсы в Берлине, можно будет поступить там же в Академию танца, закончить ее. И танцевать, танцевать, танцевать! Так мне виделось будущее из февраля 2014 —го.

Накануне отъезда я получила сообщение от Эдика, который был в курсе моих планов и сомнений.

«Не надо бояться. Я рад твоей смелости. Рад, что делаешь то, о чем мечтаешь, и чего хочется душе. Если возникнут проблемы, помогу. Вернуться всегда сможешь», — написал он.

Добрая душа. Он не обижался на меня. Наверное, он на самом деле гений.

Самолет в Берлин улетал рано утром. Таможенник в Пулково хотел увидеть мой обратный билет. Его не было. Я уезжала, не зная, когда вернусь обратно. Обошлось. Пропустили в самолет. Родители стояли у выхода в зону вылета. Уходя, я оглянулась, у них были светлые лица, а мне хотелось плакать.

В аэропорту Берлина обошлось без эксцессов и лишних вопросов. Немцы совсем не хотели, чтобы их заподозрили в антисемитизме. Аллилуйя!

В Берлине было минус семь, без солнца, и прохладный ветер. Я купила билет на электричку и отправилась из аэропорта в город. Теперь, оглядываясь назад, я не могу вспомнить ничего из первых часов пребывания в Германии. Только тяжесть чемодана, когда я поднималась по лестнице. Где это было? Стук чемоданных колес по асфальту элитного района Шарлоттенбурга, где люди ездили на такси и не таскали тяжелые чемоданы по брусчатке. Ха-ха.

«Есть ли солнце? – спрашивали родители, – Хорошего тебе дня!»

12

Соня была хозяйкой жизни. Она родилась такой. В тридцать шесть лет она стала владелицей большого дома, земли вокруг него, розовых кустов вдоль низенького забора, ограничивающего участок, четырех апельсиновых деревьев и моря, что синело в сотне метров от особняка. Дом и все, что его окружало, признавал ее старшинство и прислушивался к ней, боясь пропустить не то, что слово, даже изменение интонации.

Муж Сони умер молодым, ему едва исполнилось пятьдесят четыре. Возможно, его убил страх пропустить какую-то мелочь в бесконечных монологах жены. Но, скорее всего, он покинул этот мир потому, что однажды Соня ощутила обременительность для собственной персоны его бездарного существования. Он утомил ее своей абсолютной никчемностью дома и неконтролируемостью, когда находился за его пределами – на работе, на встречах с друзьями. Чем он занимался в это время? О чем думал? Иногда он возвращался таким чужим, таким независимым из этих отлучек, иногда, вернувшись, пытался гнуть свою линию, грубил и не хотел ее слушать!

Соня не спала ночами, пытаясь понять причину его неповиновения. Эти раздумья и переживания изнурили ее. Однажды ей надоело мучиться в неведении, и она сказала решительно: хватит. Все произошло почти мгновенно. Здоровый до того мужчина схватился за сердце, лицо его посерело, и все было кончено в одну минуту. Она не чувствовала ни вины, ни сожаления.

Дочь, стала ровесницей матери в свои тридцать. Дальше они старилась вместе. Большие и маленькие зеркала в доме отражали их морщинки и складочки, появлявшиеся в одно и то же время, и их синхронное тотальное поседение в шестьдесят сониных, когда из дома ушел единственный человек, так и не подчинившийся этой женщине, – ее сын.

Сын был другим. Его будто бы подменили в младенчестве. Соня не могла допустить мысли, что он был просто похож на нее. Он всегда вел свою игру: он смеялся, когда Соне было грустно, и плакал, когда ей было весело, и не из чувства противоречия – тогда бы это была не его игра – а потому что в эту минуту ощущал себя именно так. Он жил беспутной жизнью, ловко обходя законы и запреты, возведенные матерью, а однажды ушел вслед за тощей до прозрачности белокурой дурочкой со вздернутым носом и серо-голубыми глазами, непонятного роду-племени. Соня бросила ему вслед свою дорогую деревянную трость, на которую незадолго до того решила опираться при ходьбе, дабы легче было нести ставшее в последнее время тяжелым тело, а еще больше – чтобы напоминать домашним о тяготах своего существования. Палка попала в косяк двери прямо за спиной сына и треснула, а он даже не обернулся.

После ухода сына Соня Ступка поседела за одну ночь. Это произошло не столько из-за утраты, сколько оттого, что впервые мир так жестко указал ей ее место, напомнил, что она не всесильна, что кроме ее крепких, маленьких рук, направляющих свою и чужие жизни, есть более могущественная длань, с которой она не в силах тягаться. Она тяжело переживала это открытие.

Вслед за матерью в течение нескольких месяцев поседела и ее дочь. И теперь зеркало, как и раньше, отражало двух очень похожих женщин, их тени и мешочки под глазами, их морщины на лбу, их дряблые шеи, утратившие упругость щеки, седые волосы и зеленые, очень похожие глаза, хотя в самой глубине их у молодой женщины таилось что-то... К счастью, Соня долгое время не замечала этого.

Соня горевала три дня. В первый день дом, апельсиновые деревья и розовые кусты вдоль забора притихли и утратили цветность, чтобы стать менее заметными и не попасться под горячую руку взбешенной хозяйки. Бурю могла вызвать любая мелочь – стул, слишком далеко отстоящий от обеденного стола, капля воды, высохшая на никелированной поверхности крана, хлопнувшая от неосторожного сквозняка дверь, туманное пятнышко в зеркале, сочувствующую

щий взгляд дочери или лист апельсинового дерева, не вовремя сорвавшийся с ветки и лежащий на зеленом, вычищенном газоне.

Домашние – кроме дочери в доме Сони жила еще Эмма, женщина, помогавшая по хозяйству – тоже затаились. Соня бушевала: таких криков, ругательств и угроз окрестности до сих пор не слышали. Вечером от ненависти, словно яд, исходившей от Сони и иссушавшей пространство, сдохла большая бледно-зеленая игуана, жившая под домом.

Очень скоро ее смерть стала очевидной – удушающий трупный запах заполнил все щели и потайные уголки дома. Соня приказала найти «эту падаль» и удалить ее с территории усадьбы. Эмма в течение недели пыталась обнаружить в темноте подвала источник отвратительнейшей вони, однако дело оказалось непростым, и еще долго соседи судачили об исчезновении сына и явном присутствии трупа на соседнем участке,

Через неделю запах исчез, потому что в подвале от игуаны остались лишь косточки – все остальное было унесено и аккуратно складировано большими, черными муравьями, которые, не боялись никого, даже Сони. Обнаружив погибшее животное, они двинулись к этому месту – а потом обратно – стройными рядами, неся в могучих челюстях кусочки добычи. Правда, следует сказать, что их муравейник, где и нашла свое последнее пристанище несчастная игуана, находился на достаточном расстоянии от дома, дабы то и дело зарождавшиеся здесь ураганы, то большей, то меньшей силы, не могли бы нанести ему урон.

Вскоре после ухода Сониного сына, движимый чувством самосохранения, покинул дом сверчок, живший много лет за камином, в которого, точнее, в скрежет которого, Соня иногда бросала свои теплые, отороченные мехом тапочки, и которого любила послушать в благодные дни.

Если первый день был днем гнева, то второй – днем слез. На второй день Соня не захотела вставать утром с постели. Она отказалась от завтрака, умывания, умачения благовониями и от обязательной утренней процедуры – подведения от переносицы к вискам черных, как ночь, стрел-бровей. Она была тиха и слезлива. Это было настолько не в духе Сони, что дочь испугалась – вдруг матушка отходит в мир иной – и вместе с Эммой они вызвали врача. Врач осмотрел больную, послушал легкие, почти не встретив сопротивления, измерил температуру и давление, заглянул в глаза, хотел было заглянуть в рот – проверить горло, но не был допущен. Он покачал головой, подумал и предположил, что не обошлось без инфекции, прописал антибиотики и вышел вон, пообещав зайти завтра.

«Дурак», – вынесла приговор Соня, как только дверь за доктором закрылась, и яростно плюнула ему вслед, однако лекарства из рук дочери со стоном приняла, напугав бедняжку чуть не до смерти своей бледностью и закаченными под веки глазами.

Следующую ночь больная не спала и только стонала, когда мысли ее делались особенно тягостными. Однако в этих ее ночных бдениях был свой плюс. К утру третьего дня она с торжеством человека, предвидящего будущее, решила, что сын ее просто слишком молод и глуп, но время все поставит на свои места, и он еще приползет, битый жизнью, на порог ее дома, и она, Бог даст ей терпения, примет его. Это прозрение вернуло ее к жизни.

Утром третьего дня Соня велела Эмме помочь ей подняться, приняла ванну с голубыми солями Мертвого моря, приносящими успокоение и свежесть, нарисовала ярко брови и щеки, надела свои любимые темно-синие брюки и нежно-розовую блузку и вместе с дочерью отправилась по магазинам. Она выздоровела, и, как и раньше, повела жизнь своей маленькой железной рукой.

Шло время, но Сонин сын не возвращался. Он не объявился ни через неделю, ни через месяц, ни через годы... До Сони доходили слухи, что он женился на блондиночке, получил диплом ариэльского колледжа и уехал в Америку, а оттуда – в Китай, в Тибет, в Шаолиньскую школу ушу, где совершенствует свой дух и тело. Говорили даже, что Соня уже стала бабушкой,

но она напрочь отвергла такую возможность, потому что все, что было сделано без ее ведома и соизволения, не имело права на существование.

«Дурью мается, – говорила Соня, – Еще вернется.»

Но время шло, а она вынуждена была довольствоваться обществом сильно постаревших Эммы и дочери, которая теперь каждый день по утрам уезжала на работу и сидела с восьми до четырех в конторе фирмы, обеспечивающей город газом. Начальник отдела время от времени делал ей двусмысленные комплименты и предложения, а она с ужасом думала, как ей следует реагировать на его слова и взгляды. Больше всего она боялась обидеть его своей холодностью и невниманием, но и пойти навстречу его домогательствам она тоже не могла, потому что не знала, как это сделать, и хорошо ли это. Теперь она часто плакала по вечерам, но причиной ее слез был уже не страх перед матерью.

Единственным человеком, кому она рассказала о своих терзаниях, была старая Эмма.

– Что тут мучиться, – сказала та, оглядывая взволнованную женщину, – Если он интересный мужчина и не противен тебе, отдайся ему. Терять тебе нечего. А если не хочешь, пошли его подальше.

Услышав этот совет, женщина испугалась еще больше. Теперь она часто и подолгу рассматривала свое отражение в потемневшем от времени зеркале в спальне. В нем морщинки в уголках глаз и возле губ не были видны. Через несколько месяцев ей должно было исполниться тридцать восемь, а она еще ничего не сделала в этой жизни.

В один из дней, после работы она зашла в парикмахерскую и покрасила свои седые волосы в золотисто-русый цвет, отчего сразу же помолодела лет на пять.

Начальник – настоящий мужчина – сразу оценил произошедшую в своей сотруднице перемену, вызвал в кабинет и после обсуждения отчета, провожая, смачно шлепнул ее по заднице и попросил задержаться после работы. Она напряглась, покраснела, побледнела, но вечером, как он и просил, осталась в конторе допоздна – дабы довести квартальный отчет до ума. Начальник оценил ее усердие. Около семи часов, когда в помещении уже никого не было, он зашел в ее закуток и после недолгих приготовлений тут же, на рабочем месте, торопясь и оглядываясь, облагодетельствовал ее поспешным совокуплением. Она не получила никакого удовольствия. На следующий день все повторилось, и на этот раз она, сама того не ожидая, испытала неведомое доселе ощущение, столь необычное и восхитительное, что ради этого стоило жить.

Соня, впервые увидев свою дочь светлоголовой, впала в страшный гнев. Изрыгая чудовищные проклятия, она пригрозила неблагодарной всеми небесными карами, простое перечисление которых заняло несколько минут. Но преступница хранила молчание, упрямо склонив вперед изуродованную золотой краской голову, и оставалась подозрительно спокойной. Это еще больше взбесило Соню.

– Я знаю! – кричала она. – Вы все хотите моей смерти! Неблагодарные! Издеваетесь над больной, старой женщиной!

На следующее утро, Соня объявила, что дни ее в этом доме сочтены и остается только ждать, когда Всевышний приберет ее. С этого момента она начала вслух считать оставшиеся до кончины дни, «чтобы, подчеркнула она, доставить удовольствие дочери и Эмме». Она говорила утром за завтраком:

«Один, надеюсь, я доживу этот день до конца, несмотря на все ваши усилия».

Потом за ужином торжественно объявляла:

«Мне хватило на это сил, несмотря на ваши старания»

На следующий день она говорила смиренно:

«Два. Я знаю, что вам это неприятно – находится рядом со старухой, которая вызывает у вас только раздражение, но пока я жива, вам придется мириться с моим присутствием»

«Три, – объявляла она на следующий день, – Я чувствую, близок мой час. Он скоро настает. Тогда вернется мой сын и, упав на могилу матери, поймет, что только я одна любила его по настоящему – никто больше в этом страшном мире. Ты тоже поймешь это, но будет поздно».

И так далее – день за днем. Эмма слушала хозяйку почтительно и отстраненно, а дочь... Дочь, если бы не странные события, происходившие в это время с ней, наверное, тронулась бы умом. Но Господь побеспокоился о ней.

Где-то на девяностый день целенаправленного пошагового движения к могиле Соня вдруг обнаружила, что счет ее дает странные результаты: талия ее дочери медленно, но неуклонно расширялась, и, хотя та никогда не была тростинкой, сейчас прибавление в ее фигуре становилось с каждым днем все более очевидным. В то время, как объемы ее росли, дочь становилась все бледнее и печальней. Еще через сорок дней, Соня вынуждена была признать со всей очевидностью, что приближение ее гибели дает существенную прибавку к телесам дочери. Через сто пятьдесят дней Соня, наконец, поняла, что женщина толстеет неспроста.

– Так-так, – сказала она вечером вернувшейся с работы дочери, – Что ты мне скажешь по поводу вот этого, – и она тихонько ткнула палкой в округлившийся животик напуганной до смерти женщины, – Что ты там прячешь от меня, милочка? И кто виновник этого сюрприза?

Женщина чуть не потеряла сознание от ужаса. В последнее время она чувствовала себя так странно, столько противоречивых ощущений постоянно клубилось в ней, столько надежд, опасений, страхов. На что она надеялась? Что никто никогда ничего не узнает, не увидит, не поймет? Она боялась даже думать об этом и толстела, толстела, толстела. Теперь все вылезло наружу, и она была не готова к этому. Она мертвенно побледнела, потом покраснела, расплакалась и, между всхлипываниями и сморканиями, рассказала матери о своей беременности.

– И что же он? – спросила Соня, имея в виду виновника теперешнего положения дочери.

– Благодарение Господу, он все так же мил со мной.

– О! Мама – мия! – взревела дурным голосом Соня. – Какая дура! «Он все так же мил со мной», – передразнила она дочь, – Я убью его... Я засажу его в тюрьму за совращение малолетних! За использование служебного положения! За разврат! Я кастрирую его!

– Нет! – вдруг отчетливо и твердо сказала дочь, и старуха с недоумением и тайным страхом увидела в глазах дочери знакомый жесткий блеск, пробившийся сквозь пепел.

Когда уходил сын, у него был такой же взгляд, и Соня, уже набравшая было воздуха в легкие, чтобы со всей мощью выдать все этой дуре, закрыла рот и закашлялась, поперхнувшись застрявшими в горле ругательствами.

– Пить! – прохрипела она, – Пить! Я умираю. Радуйся. Ты давно этого хотела.

Обезумевшая дочь бросилась на кухню и столкнулась в дверях с невозмутимой Эммой, которая несла хозяйке стакан воды.

– Благодарение Богу, наконец-то в доме появится человек, который снимет с ваших плеч тяжкий груз власти, или хотя бы разделит его с вами, – сказала она загадочную фразу, подавая Соне воду и спокойно улыбаясь, – Это будет мальчик. И он будет достоин своей бабки. Поверьте, вам станет легче.

Все произошло, как сказала Эмма. Через четыре месяца родился мальчик, головастый и белобрысый, и сразу оттянул на себя внимание домочадцев. Для эгоцентричной Сони это было непереносимо. Она постаралась вернуть себе прежнее положение центра вселенной, пускай даже ценой собственного здоровья. За считанные месяцы она растолстела до невероятных размеров и в шестьдесят три года обезножила.

Ребенку только-только исполнился год, он начал самостоятельно ходить, а его бабка отказалась передвигаться без посторонней помощи. Столкнувшись с новым витком болезни матери, теперь, когда рождение сына кардинально изменило ее жизнь, наполнив множеством ярких красок и прибавив хлопот, дочь растерялась, а Эмма укоризненно покачала головой и сказала Соне:

– Вы всю жизнь тянете одеяло на себя. Как бы не остаться одной на старости лет с вашим-то характером.

Соня проглотила это оскорбление. На следующие четырнадцать лет она смирилась с двоевластием в собственном доме. А когда в подростковом внуке, отчетливо проявился властный характер бабки, Соня приняла решение.

В один из дней конца ноября, когда ночи становятся прохладными и длинными, Соня проснулась и почувствовала себя усталой уже с утра. В последнее время какая-то неведомая сила часто вытягивала ее из глубин самого крепкого сна в ранние утренние часы – около пяти утра. Чтобы взбодриться, Соня с помощью Эммы приняла ванну с золотисто-оранжевыми солями Мертвого моря, прибавившими решимости и энергии, причесалась, выбелила пудрой лицо, насурьмила брови, нарумянила щеки и сообщила, что «имеет что сказать» домочадцам. Сидя за завтраком на своем обычном месте во главе стола, Соня произнесла короткую, но эмоциональную речь, о том, что она «устала быть приживалкой в собственном доме» и потребовала, чтобы дочь нашла ей «приличное место», где она могла бы в тишине, не доставляя никому хлопот, провести остаток своих дней.

«Тихо и достойно», – подчеркнула она,

«Не доставляя никому хлопот», – эхом повторила Эмма.

Соня не удостоила женщину взглядом.

Дочь печально вздохнула. В последнее время ей приходилось особенно тяжело меж двух огней: властной матерью, упивающейся своей болезнью, и подростком сыном – спокойным, веселым, самоуверенным подростком с ярко-синими глазами и русыми длинными волосами, который в свои пятнадцать лет знал всему цену и не боялся никого и ничего на свете.

Новое жилище для Сони выбирали тщательно. Она не желала жить в большом доме, «автоматизированной фабрике по утилизации стариков», как она говорила. Ей виделось нечто, похожее на ее виллу – с зеленой лужайкой, деревьями и цветами, где-нибудь в центре города, но не у оживленной дороги.

Таким образом, в один из теплых, солнечных дней декабря, сразу после Хануки, Соня оказалась сидящей в коляске на открытой веранде дома, в котором все управлялось волей и похотью Бени. Ей шел семьдесят девятый год. Она боялась боли и скуки, но уже на второй день пребывания в доме поняла, что здесь есть, чем заняться и за что побороться. Так что, скучно не будет. Все необходимые лекарства по первому требованию привозила дочь, чувствовала угрызения совести из-за нынешнего положения матери. Соня была удовлетворена. Она, как и раньше, могла управлять своей вселенной.

Бени сразу почувствовал крутой нрав новой постоялицы и поспешил обставить дела так, чтобы мирно зажить с ней в параллельных мирах, пересекаясь как можно реже, дабы избежать больших взрывов и мелких неприятностей. В конце-концов, ему удалось это устроить, потому что, по большому счету, им нечего было делить. Одна собиралась максимально комфортно завершить здесь свою жизнь, другой намеревался продолжать свою в соответствии с собственными желаниями. В его собственном мире, как в Сонином, не существовало понятия «нельзя», отсутствовало слово «нет», и было изничтожено сомнительное «возможно». В этом они были удивительно похожи, что сразу и почувствовали оба. Теперь они волею судеб оказались рядом, и вынуждены были уважать друг друга.

Если бы Бени чуть пристальнее всмотрелся в эту крикливую, разукрашенную, как ярмарочная кукла, властную старуху, он, возможно, увидел бы в ней свою неминуемую старость, свое будущее одиночество, но для этого необходимо умение сопоставлять и видеть в настоящем слабые тени грядущего. К чему это человеку, переполненному желаниями? Он мог зарабатывать, сохранить и преумножить деньги. Он знал, что экономя на полуживых стариках – на лекарствах, белье, продуктах для них – можно, не особо напрягаясь, сколотить копеечку для приятной семидневной поездки к теплему морю. И там, в оазисе, разрошемся из нескольких

десятков пальм и трех колодцев до современного зеркально-стеклянного мегаполиса, делать то, что ему нравится: развлекаться и любить женщин..

Соня, узнавшая о тяги хозяина к прекрасному в первую же ночь пребывания в доме, приняла это как данность. Однако, сама она не намерена была страдать из-за чужих страстей. Она, как и Бени, знала цену деньгам и за свои кровные собиралась иметь все-все-все, что ей полагалось. А деньги ей приходилось платить совсем не маленькие.

Соня с первого же дня потребовала от персонала все причитающиеся ей блага: ванну с разноцветными солями Мертвого моря, отдельную комнату с кроватью и водяным матрацем для лучшего сна, исправно работающий кондиционер, если в комнате становилось жарко или наоборот холодно. Она требовала внимания санитарок, когда ей это было необходимо, а иногда и просто так – по настроению. Она не сомневалась, что все прописанные инъекции она должна получать в положенное время, таблетки перед едой, во время еды и после, ингаляции после завтрака, а обработку старческой шелушащейся кожи – после душа. Ей полагались свежие фрукты три раза в день, смена постельного белья каждое утро, внимание и почтительное отношение. Время от времени она устраивала небольшие сердечные припадки, чтобы «этим сучкам», как она называла санитарок, жизнь раем не казалась.

Но главное, что здесь, в этом доме, в ее жизни появился Он – большой мужчина, с вечно отсутствующим взглядом, занятый своими снами о похождениях с молодыми девочками и отказывающийся замечать сильное чувство зрелой женщины.

Сначала это расстраивало Соню, но потом она решила, что в ее распоряжении предостаточно времени – каждая минута день за днем, вплоть до самого конца, и она рано или поздно добьется своего. Она успокоилась и удвоила напор. Вскоре на веранде они уже сидели за одним столом, и отсутствующий взгляд Александра теперь то и дело непроизвольно останавливался на громкоголосой Соне.

13

«Я заболела и ушла пораньше домой, но мои коллеги в курсе, — написала Саша, у которой Олеся оставила ключи от своей берлинской квартиры, где я должна была провести ближайший месяц, — Вам нужно будет дойти до дома: большой ключ — от входной двери. Пройдете парадную насквозь и выйдете во внутренний дворик. Средний ключ от двери квартиры, она сразу слева».

Васят был рыжим котом, наглым хозяином уютной берлинской квартирки — со вкусом обставленного, холостяцкого, девчачьего гнездышка. Именно он был единственным существом, с которым я в те дни могла поговорить по-русски, не зная даже, понимает ли он меня. Но каков это был наглец и сумасброд! Я и предположить не могла! Правда, перед приездом в Берлин я получила большое письмо-инструкцию от Олеси по обращению с этим «милейшим существом».

Чертяка! Он нападал на меня, когда я возвращалась домой, хотя и было видно, что рад мне и ждал меня! Каждый раз перед уходом мне ничего не оставалось, как поймать его и, закрывая дверь, закинуть подальше в комнату, чтобы он не успел вслед за мной выскочить из квартиры. Он был ужасен! Он был прекрасен, если верить словам его хозяйки:

«Самое главное: в квартире живёт Васят. Посмотрите на него, фотография в приложении. Не любить Васяту невозможно. Он нежен, невероятно ласков, рыж и прекрасен со всех сторон. Неприхотлив, но любвеобилен и шkodлив. Уходя из дома, не оставляйте его в комнате. Вам нужно исхитриться выйти из квартиры так, чтобы он не рванул на лестничную клетку. В общем, ц/у про Василиса я Вам выдаю отдельно, когда договоримся принципиально. Квартиру свою я обычно не сдаю, но поскольку Вы — сестра моей приятельницы и, по словам Маши, очень любите животных, мне, конечно, чем сдавать кота в пансион, гораздо лучше будет оставить его в привычной обстановке, под присмотром дружески настроенного человека».

Дружески настроенным человеком была я=). Несколько раз за время нашего совместного проживания с Васятом мною овладевали сомнения относительно этого утверждения. Бывали моменты, когда мне хотелось прибить это чудовище. Но Олеся любила его:

«Васят норовит забраться, куда только можно. Вы имейте это в виду, и не пускайте его на плиту, когда она включена, чтобы не обжёгся, и в раковину, когда сливаете кипяток, чтобы не ошпарился, а то будете наблюдать вертикальный взлёт кота под потолок, а потом вместе с ним зализывать ожоги. Он любопытен непомерно и всюду сует свой нос. Кстати, в ванную комнату, когда Вы хотите принять душ, лучше его тоже не пускать — он норовит взгромоздиться на край ванны, а когда в неё падает, визжит, царапается и пулей вылетает наружу, снося всё на своём пути. Ощущения — так себе, хотя смешно, конечно =)))»

Честно скажу, я не стала испытывать эти ощущения на себе.

«Уходя из дома выдворяйте его, пожалуйста, из комнаты, — продолжала Олеся. — Он себя пару раз дискредитировал, изодрав кровать и надув лужу, с тех пор без присмотра я его там не оставляю. Собственно, кровать поэтому накрыта покрывалом, чтобы он её дальше не драл. Вы её тоже, пожалуйста, закрывайте, чтобы кожаные боковины ему не были доступны. Унитаз лучше тоже держать закрытым, иначе он из него пьёт и мокрыми лапами топчется потом повсюду, в том числе по всему телу и лицу. Само по себе это очень приятно, но не после унитаза».

Так оно и случилось, Олеся не преувеличивала. Вечерами, когда я укладывалась спать, кот топтался по моему лицу своими мягкими лапками, поджимая игриво коготки, потом укладывался на голове и прекрасно чувствовал себя до утра.

«По опыту первой совместной ночи Вы сделаете вывод, нравится ли Вам, когда кот спит у Вас на голове, потом на животе, потом в ногах, потом ещё где-нибудь, а часов в восемь

утра начинает вас будить розовым мокрым носом, засунутым в лицо. Мне всё это уже давно нравится, поэтому Вася спит со мной, но я понимаю, что не все такие извращенцы и предпочитают нормально выспаться, поэтому пойму Вас, если Вы решите выставлять его на ночь за дверь комнаты. Он, конечно, будет недоволен, но притерпится».

Борьба с Васятом за крепкий ночной сон продолжалась все время моего пребывания в Берлине. В первую ночь за дверью спальни он вопил, как резанный. В последующие дни победа в этом сражении переходила от него ко мне и обратно. У нас у обоих обнаружился крепкий характер и запас терпения, чтобы получать в результате небольшие, но приятные выигрыши. Мы стали уважать друг друга, видя в другой стороне достойного противника.

«Не пугайтесь, когда увидите, как он обгладывает цветы на подоконниках. Мы с цветами уже давно с этим смирились. Вот чего мы не любим очень, это когда он их начинает выкапывать из горшков и раскидывать землю вокруг. За это надо как-то наказывать. Типа, прикрикнуть, согнать с подоконника и шлёпнуть».

На самом деле, это был серьезный вопрос – кормление кота. Животные бывают очень привередливыми в отсутствии хозяев. Порой скучают или плохо себя чувствуют и тогда не хотят брать корм из чужих рук. К счастью, Васят оказался психологически устойчив и морально крепок. За время нашей с ним совместной жизни он нисколько не похудел и не осунулся. А его круглая, наглая, рыжая морда так и светилась довольством. Цветы он жрал, кормами тоже не брезговал. То есть, в избытке получал все питательные вещества, микроэлементы и витамины.) Олеся, надеюсь, осталась довольна. Ее рекомендации соблюдались очень точно.

«На улице Васят до сих пор в окно не выпрыгивал, но, кто его знает, что ему в голову взбредёт, поэтому лучше пасти, чтобы не сиганул во двор. Выходя из квартиры и входя в неё, помните, что он ловок и хитёр и всё время ломится наружу, так что входить нужно, преграждая ему путь сумкой, например, а, уходя, лучше возьмите его на руки, закиньте внутрь, и быстро закройте дверь. Только не прищемите ему лапы, пожалуйста. Я сегодня перед отъездом опять гонялась за ним вверх-вниз: вырвался, чувствовал, что я уезжаю.»

Олеся беспокоилась. Она постаралась предусмотреть все возможные случайности, которые могут нанести даже незначительный урон ее любимцу:

«Самое главное: Васечку можно и нужно брать на руки, обнимать, целовать и гладить. Он очень это любит. Он вообще золотой котик, очень ласковый и нежный. Уверена, Вам понравится проводить с ним время!»

Кот оказался настоящим стихийным бедствием. Были минуты, когда я... Нет, лучше не надо об этом. И все же, все же: когда я возвращалась домой, я была рада, что хоть одна живая душа ждет меня в чужом огромном городе.

Так начался мой Берлин – с танцами, бесконечными пешими прогулками в целях экономии, одиночеством и ностальгией. Родители слали мне слова поддержки в социальных сетях. Слава и Лиза ободряли, как могли. Эдик сочинил лирическую поэму, очень талантливую, на мой взгляд. Я много занималась, боролась с котом, исследовала Берлин и окрестности. Но в какой-то момент, как со мной это обычно бывает даже в самой интересной точке мира, меня начало заедать однообразие. В такие минуты на меня накатывают меланхолия и тоска. И хочется опять что-то поменять.

А время было необыкновенное. Каждый день кроме воскресенья, я преодолевала четыре километра пешком – мой путь до Академии танца. Там мы изучали несколько танцевальных направлений, по два разных стиля ежедневно, с постепенно нарастающей интенсивностью. Девочки в академии собрались со всей Европы, и некоторые были очень талантливы и хорошо подготовлены. Преподаватели говорили на разных языках: были двое израильтян, англичанка, немцы, француз. Здесь, в Берлине, я полюбила джаз и возненавидела классический балет. Навсегда. Педагогом по классике была строгая англичанка, которая никогда не хвалила нас,

и, мне кажется, смотрела на наши недисциплинированные руки, ноги и спины с недоумением, граничащим с ужасом.

Вечером – обратная дорога домой, которую делишь на небольшие отрезки, чтобы не таким долгим казался путь. И Васята, нетерпеливо ожидающий меня в квартире. Радость моя! Мой кошмар!

Мне предстояло учиться на курсах еще четыре месяца, как минимум. До июля. Потом при хорошем раскладе я могла задержаться в Берлине еще на три года, взяв профессиональный трехгодичный курс, который сделал бы из меня разностороннего танцора. Но для этого мне необходимо было найти работу и определиться с жильем. Время шло, я искала подработку. Очень активно. Я закидывала объявления на все русскоязычные сайты. Безответно. Я экономила и опять искала. Ни одного отклика.

Скоро возвращалась из командировки Олеся. Значит, нужно будет освобождать квартиру. Я искала жилье. Просматривала объявления по аренде и пыталась пристроиться в студенческие общежития. Тишина была такая, будто я оглохла. Денег хватало только-только, на самое необходимое и учебу.

Вокруг меня были люди, к которым можно было бы обратиться за помощью, но я пыталась все сделать сама. Сама. Это было ошибкой. Я поняла позже, как много могла бы получить, совсем не затрудняя знакомых людей, просто обратившись к ним за советом. Но дни шли, а я находилась все в той же точке, из которой не видно было моего будущего в Германии.

14

Одной из причин, по которой Аурель оказался второй раз в Израиле, в большом тихом доме причудливой архитектуры, где жила богатая пятидесятичетырехлетняя женщина, каждую ночь приходившая к нему на правах хозяйки, и ее семидесятипятилетний муж, за которым Аурель ухаживал за девятьсот долларов в месяц, была четырехлетней давности встреча.

Он возвращался из Бухареста домой, в тихий Плоешти. В вагоне было почти пусто, за окном блистала черным и золотым осень. Аурель прикрыл глаза и, наверное, забылся. Он проснулся, ощутив дрожь вагона: поезд после остановки набирал скорость. За те несколько секунд, что отделяли сон от яви, он увидел удивительной красоты женщину. Даже живя почти двадцать лет рядом с такой красавицей, как его Клаудия, он не смог не восхититься красотой незнакомки. Женщина смотрела на него черными блестящими глазами и беззвучно шевелила губами. Вернувшись окончательно к действительности, Аурель обнаружил, что красавица не исчезла вместе с дремой – она сидела на скамье напротив и, как и в ушедшем сне, смотрела на него огромными глазами. У нее были красивые руки с ямочками у основания пальцев, полные плечи и грудь. Ей было лет около сорока или чуть больше. Смуглая кожа на лице была безупречно гладкой, чудесные глаза излучали свет, а великолепные черные волосы блестели, как у девочки. На руках, от запястий и выше, до самого локтя, нежно позвякивали десятки браслетов – узких и широких, с гравировкой и без, некоторые – с таинственными надписями. Женщина, перехватив его взгляд, встряхнула браслетами:

– Это все мои мужчины, которые любили меня, или которых любила я, – сказала она. – К сожалению, только так и бывает – или-или. За исключением малого числа счастливых пар, которым повезло найти друг друга. Но не тебе это объяснять, ты и сам знаешь все тонкости любовных дел. Ты родился с этим знанием. Это магия, это волшебство. Глупышка летит к тебе еще свободной, а приблизившись, или хуже того, прикоснувшись, попадает в плен. Правду я говорю?

Аурель пожал плечами и улыбнулся в вислые усы.

– Этот дар достался тебе от отца, и ты не раз пользовался им, – продолжала красавица. – Но в последнее время ты ищешь не любовницу, уже двадцать пять лет ты ищешь женщину, которая когда-то любила тебя не как мужчину... Открой ладонь, – она провела кончиками пальцев по руке Ауреля, разглаживая линии, обрисовывая бугры, – За эту женщину ты готов отдать всех своих прошлых и будущих любовниц, кроме, может быть, одной. Ты знаешь, о ком я говорю. Но не она, а другая, которую ты еще не знаешь, поможет тебе в твоих поисках. Ты ее обязательно встретишь – каждый рано или поздно находит своего учителя. Она будет равной тебе, нет, даже сильнее тебя. Ей ничего не стоит заставить тебя забыть свой дом, свой путь и свою цель. Она сделана из того же теста, что и ты. Ей мужчину обворожить – все равно, что песню спеть. Но ты не должен поддаваться. А когда поймешь, что за ночь с ней готов заплатить самую высокую цену – забыть ту единственную женщину, которую ищешь – попроси ее назвать первое, пришедшее в голову мужское имя, и спроси, где можно найти человека с таким именем. Услышав ответ, в то же мгновение повернись к ней спиной, как бы тяжело это ни было, и беги без оглядки. В том месте, которое будет названо, ты найдешь то, что ищешь. Сказать точнее не могу. Только вижу, что находится это место в южной стране. Там молодая пальма растет на зеленой лужайке, а каждую ночь низко-низко над землей висит полная луна в окружении цветущих роз. Как это может быть – не знаю, но вижу отчетливо.

– И еще, – оправляя помятое платье и чувствуя божественную легкость во всем теле, сказала красавица, когда поезд был уже недалеко от Плоешти, – Всякий раз, расставаясь с женщиной, которую любил, покупай в лавке кусочек сердолика и вешай его на нитку, а нитку – на шею. Пусть таких камешков соберется хоть тысяча, всегда носи свою ношу с собой: тогда

ни одна из любивших тебя женщин не сможет, оглянувшись назад, причинить тебе зла. В противном случае, наслаждение, испытанное ею, заменится горечью расставания, а горечь – злой обидой. Такая любовь, пропитанная обидой и злостью, способна разрушать через время и расстояние. Она и убить способна. И не только тебя самого, но и тех, кто тебе дорог.

Женщина вытащила из сумочки и протянула ему маленький оранжевый камешек, теплый и глубокий.

– Пусть этот будет первым.

Через полгода после этой встречи Аурель впервые оказался в стране, описанной попутчицей. Он проработал между безжалостным палящим небом и раскаленной землей, шесть месяцев, прокладывая дорогу от моря к сопкам. Белоснежный песчанник, из которого сложены сопки, выжигал отраженным светом глаза. Южный ветер с вплетенным в его гриву песком, шлифовал кожу не хуже наждачной бумаги. А воздух, начисто лишенный влаги, высушивал тело до смертельной сухости мотылька, лежащего по весне в проеме между оконных рам.

Аурель, почерневший и похудевший, вернулся домой, как и уехал, с одним маленьким сердоликом на шее. Ту, ради которой, он ехал в страну беспощадного солнца, он так и не нашел. Он пришел к Клаудии с толстой пачкой иностранных банкнот, чуть живой и сомневающийся во всем, но, увидев ее заблестевшие глаза, ее стремительное движение навстречу, успокоился. И понял, что он дома.

Первые три дня он беспробудно спал и просыпался, чтобы получить из рук Клаудии чашку бульона и порцию тушеных овощей с мясом. Постепенно силы его восстанавливались. На третью ночь он стал видеть сны, а к вечеру четвертого дня, допивая бульон, ощутил давно забытое желание.

Клаудия ждала. На пятый день утром Аурель проснулся, поднялся с постели, спустился в столовую, съел большую миску макарон с сыром, кусок жаренной баранины величиной с тарелку, выпил два бокала красного вина, потом взял Клаудию за руку и повел наверх. Следующие семь дней они почти не спускались вниз из своей спальни, только Клаудия выбегала иногда на минутку: приготовить что-то на скорую руку и покормить животных. За эту неделю она похудела и дивно похорошела. Дом стоял неприбранный и ждал возвращения хозяйки. Младший сын-школьник целыми днями пропадал на улице. Через неделю они вышли, наконец, из спальни, и жизнь покатила своим чередом.

15

В Берлин пришла весна. Март. Солнце. Красота. Но я была одна. Никого и ничего. Здесь даже птицы пели по-немецки. Одиночество тяготило меня все больше. Подкрадывалась хандра. Позже я заметила, что хандра подбирается ко мне каждый год в одно и то же время. Я начинаю делать какие-то судорожные движения, совершать необдуманные поступки. Оставаться в расцветающей весной Берлине одной, без жилья и работы, не было никакой возможности, – так я чувствовала в тот момент. Домой, в Питер, возвращаться не хотелось. Это выглядело бы как поражение. Я готова была ухватиться за любое предложение.

«Катюш, привет, может, выйдем на связь сегодня. Я в легкой панике – не могу найти жилье, – написала я подруге в Израиль. – Хочется поболтать с понимающим человеком=»)). Вообще, в последние три дня есть желание все бросить и свалить. Извини, что я к тебе со своими проблемами».

Катя ответила в тот же день:

«Приезжай ко мне, в случае чего;) У меня теперь есть отдельная комната. Я тебя приму с распростертыми объятиями».

Этот призыв показался мне в тот момент спасением. От проблем, от одиночества, от себя. Но я еще сопротивлялась соблазну свернуть с намеченного пути. Еще несколько дней я двигалась в выбранном месяце назад направлении, постоянно держа в голове Катино предложение. А потом... взяла и купила билет до Тель-Авива.

В то же день – о, ирония судьбы! – я получила два приглашения на работу. Мой классический расклад: как только я решаюсь на какой-то важный шаг, судьба немедленно подкидывает мне другие соблазнительные варианты. Но я уже сделала выбор! Поздно, старушка Европа! Теплый, дружеский Тель-Авив ждал меня.

Катя не смогла встретить меня в аэропорту, потому что в этот день работала допоздна. Молодой, симпатичный таксист посадил в машину меня и уважаемого господина, как потом оказалось, американца. Американец направлялся в дорожный отель в Тель-Авиве, а я – в Раанану, пригород Тель-Авива, где в то время жила Катя. Таксист был улыбчив и приветлив и, высаживая меня в условленном месте в Раанане, попросил телефон. Это, казалось бы, рядовое событие безмерно обрадовало меня. Вот чем отличается солнечный Тель-Авив от холодного Берлина. Мужчины нормально реагируют на женщин и не боятся обидеть их своим вниманием. Печально, что местного номера у меня тогда еще не было. Увы. А парнишка был хорош. Работал и заочно учился в Университете.

Я стояла с чемоданом, на центральной площади Раананы, перед культурным центром. Вечерело, было тепло, оглушающее пахли какие-то тропические цветы и звенели цикады. На площади тусовались подростки, которых я опасалась еще со времен своего первого пришествия в Израиль в десятилетнем возрасте. Катю не было. А у меня не было доступа в интернет, чтобы связаться с подругой.

«Аня, мы встречаем тебя на железнодорожной станции в Герцлии. Подходи к остановке», — написала Катя на мой питерский номер.

Я подошла и увидела Катю. Она приехала веселая, бодрая, со своим другом Женей – высоким, полноватым молодым человеком, живущим в Израиле уже много лет и представляющий ту категорию мужчин, которые никак не решаются оторваться от мамы, чтобы начать самостоятельную жизнь. Как позже выяснилось, Катя очень переживала из-за этой ситуации. В конце-концов они расстались с Женей, но все следующие мужчины попадались ей с той же проблемой – где-то, что-то крепко держало их, и они никак не могли отдаться Кате целиком, до конца, как хотела она.

Катя с громким воплем накинулась на меня, как бабушка Карлсона на своего внука, обнимала, тормошила, оглядывала, удивлялась бледному виду. Моя подруга Катя!!! =)) Я была счастлива вниманию, теплу, исходящему от нее, неподдельному и несколько ревнивому интересу. Всего этого мне так не хватало в Берлине.

– Ну, все, поехали ко мне, – сказала она, ощупав и оглядев меня со всех сторон. – Это Женя. Он нас отвезет. Да, Жень?

Женя пожал плечами, мол, о чем спрашивать. Он немного смутил меня пристальным близоруким взглядом из-за очков.

Катино общежитие в Раанане окружали пальмы и цветы – райский сад, наполненный ночными запахами и звуками. В саду стояли белые, в средиземноморском стиле, двух- и трехэтажные здания: прямоугольные коробки из местного известняка с плоскими крышами. Внутри зданий было пусто и уныло: белые стены и каменные плиточные полы, кровати, стол, шкаф, несколько стульев и разбросанная всюду одежда. Стандартная общага – только самое необходимое. После Олесиной любовно обставленной квартирки, здесь было совсем неудобно. Радовало только то, что на следующий день Катя покидала это место. Изучение языка заканчивалось, и начиналась самостоятельная жизнь в Израиле: работа, съемная квартира. На самом деле, это очень непросто.

На следующий день мы с Катей выехали из общежития, забросили вещи к Мише, Катиному брату, и отправились в Нетанию, где Катя планировала снять жилье на ближайший год. Нетания – большой город, и здесь проще найти работу, чем в каком-нибудь маленьком поселении, в Ор-Аквиве, к примеру, где жил Миша. Миша с друзьями снимал в Ор-Аквиве большой дом из четырех комнат, с кухней, гостиной и небольшим участком земли. Обычно на этих участках растут деревья: пальмы, лимоны, миндаль, абрикосы, часто цветы. Земля засеяна аккуратно подстриженной травой или выложена плиткой, чтобы выходить из дома в любую погоду, не запачкав ноги. Местные ставят рядом с домом диваны и кресла, столы, мангалы, чтобы можно было сесть и отдохнуть в любое время, когда душа пожелает и позволит погода. Здесь же принимают гостей в выходные, делают шашлыки и крылышки-, овощи- и колбаски-гриль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.